

МӘДЕНИЕТТАНУ КҮЛЬТУРОЛОГИЯ CULTURAL SCIENCE

УДК 17.0

Г.К. Абдигалиева, Н.Ж. Кудайбергенова*

Казахский национальный университет имени им. аль-Фараби,
Республика Казахстан, г. Алматы
*E-mail: Nazgul_1507@mail.ru

Конфуций и Кант: о всеобщности нравственного закона

Статья посвящена сравнительному анализу основных принципов этики Конфуция и Канта.

Говоря о конфуцианстве в целом, можно отметить, что учение Конфуция во многом определило основные параметры развития китайской философии. Вместе с тем исследователи отмечают, что философское учение Конфуция оказало глубокое воздействие на развитие этической мысли в Китае. В западноевропейском философском пространстве Имануил Кант является знаковой фигурой, а разработанное им учение о нравственном категорическом императиве и автономной морали положено в основу практически всех дальнейших попыток построения этических моделей на Западе.

В данной статье предпринята попытка проведения сравнительного анализа конфуцианской и кантианской этики с позиции философской компаративистики. Проблема «Конфуций – Кант» разрабатывается такими китайскими учеными-философами, как Моу Цзунсань, Ду Вэймин, Фэнь Юлан и Ли Минхуэй.

Ключевые слова: китайская философия, этика, метафизика нравственности, этика долга.

G.K. Abdigalieva, N.J. Kudaiberganova

Confucius and Kant: the universality of the moral law

Article is devoted to a comparative analysis of the basic principles of ethics of Confucius and Kant.

Speaking of Confucianism as a whole, it can be noted that the doctrine of Confucius largely determined the basic parameters of development of Chinese philosophy. However, the researchers note that the philosophical teachings of Confucius had a profound impact on the development of ethical thought in China. In Western philosophical Immanuel Kant space is a significant figure, and they developed the doctrine of moral categorical imperative and autonomous morality as the basis for almost all subsequent attempts to build ethical models in the West.

This article attempts to make a comparative analysis of Confucian and Kantian ethics from the perspective of comparative philosophy. The problem of «Confucius – Kant» has been developed and is being developed by Chinese scientists such philosophers as Moe Tszusan, Du Weiming, Feng Yulan and Li Minghui.

Key words: kitaskaya philosophy, ethics, metaphysics adamgershilik morality, ethics of duty.

Г.К. Абдигалиева, Н.Ж. Кудайбергенова

Конфуций мен Кант:**адамгершілік қағидаларының ортақтығы туралы**

Мақалада Конфуций мен Кант этикасының негізгі қағидаларына салыстырмалы талдау жүргізіледі.

Конфуцийшілдік туралы айтқанда, жалпы Конфуций ілімі Қытай философиясының негізгі даму бағытын қалыптастырғаны туралы айту қажет. Сонымен бірге, зерттеушілер Конфуций ілімі Қы

тайдағы этикалық ойлардың қалыптасуына терең әсер еткенін атап өтеді. Иммануил Кант Батыс Еуропа философиясының көрнекті өкілдерінің бірі болып табылады. Ол қалыптастырған адамгершіліктің бұлжымас императиві мен автономиялы мораль туралы ілім Батыстағы барлық этикалық үлгілердің негізінде жатыр.

Берілген мақалада философиялық компаративистика тұрғысынан Конфуций мен Кант этикасына салыстырмалы талдау жүзеге асырылады. «Конфуций – Кант» мәселесі Моу Цзунсань, Ду Вэймин, Фэнь Юлан және Ли Минхуэй сияқты Қытай зерттеушілері мен философтарының еңбектерінде қарастырылады.

Түйін сөздер: Қытай философиясы, этика, адамгершілік метафизикасы, жауапкершілік этикасы.

В последнее время проблема поиска глобального значения конфуцианской традиции, а также её взаимодействие с западноевропейской философией стала центральной в творчестве ведущих китайских мыслителей. Начало этому процессу положили представители так называемого «нового конфуцианства», которые ещё с конца 20-х годов стали обсуждать вопросы демократии, открытости и культурно-религиозной толерантности. Именно из общих вопросов взаимодействия культурно-цивилизационных традиций Китая и Запада, соотношения традиции и модернизации впоследствии родилась проблема глобализации конфуцианских ценностей и актуализировалась проблема Востока и Запада.

Учение Конфуция во многом определило основные параметры развития китайской философии. Наиболее глубокое воздействие конфуцианство оказало на развитие этической мысли в Китае. Конфуцианское учение изначально складывалось как этико-политическая доктрина, ориентированная, прежде всего, на мораль и нравственность в сфере политики и образования, вследствие чего сложился уникальный социокультурный генотип, лежащий в основе воспроизводства и функционирования китайского общества. В западноевропейском философском пространстве Имануил Кант является знаковой фигурой, а разработанное им учение о нравственном категорическом императиве и автономной морали положено в основу практически всех дальнейших попыток построения этических моделей на Западе. Проведение сравнительного анализа конфуцианской и кантовской этики с позиции философской компаративистики возможно на основе ценностного подхода к творчеству великих мыслителей.

Конфуцианство в вопросах этической проблематики является главным структурно-организующим и интеллектуально-духовным

фактором китайской культуры. Так, Х. Ретц, посвятивший проблеме конфуцианской морали монографию «Китайская этика осевого времени», пишет: «Мораль рассматривается как главная тема китайской философии, особенно в конфуцианстве» [1]. Также Кобзев отмечает «специфическую этицированность традиционной китайской философии» [2, с. 23].

Под этицированностью понимается абсолютное преобладание этической проблематики в китайской философии. Сфера этического для китайских философов всегда была не только приоритетной, но и предельно широкой. Для сравнения можно отметить, что в Европе выделение этики в особую философскую дисциплину со специальным терминологическим обозначением и собственным предметом исследования в IV веке до н.э. осуществил Аристотель. Кроме того, со времен стоиков этика стала считаться одной из трех основных частей философии, а в послекантовскую эпоху была признана особой наукой – о внеэмпирической области должного.

В Европе с античных времен существует философская тенденция к универсализации этики, но она никогда не доминировала в европейской философии. В китайской философии, которая никогда не противопоставляла себя религии, но успешно ее ассимилировала, отсутствовала указанная спецификация этики, а также принципиальная дифференциация в последней теоретического и практического, сущего и должного, благодаря чему сфера морального всегда считалась предельно широкой и онтологический обусловленной.

«Основные виды знания различались по их моральной значимости, а фундаментальные параметры бытия трактовались в этических категориях» [2, с. 24].

Именно эта специфическая черта традиционной китайской этики позволяет говорить, как

считают некоторые исследователи и интерпретаторы конфуцианства, о выработке им уникальной теории – «моральной метафизики», что, в свою очередь, актуализирует исследования, связанные с практической философией Канта.

Имея в виду кантовскую постановку проблемы соотношения морали и религии, современный китайский философ Моу Цзунсань отмечает особенность конфуцианства так: «У конфуцианцев мораль-дэ не замкнута в ограниченной сфере, не составляет с религией две противоположные сферы, как на Западе. Мораль у них обладает безграничным проникновением. Моральные действия имеют границы, но реальность, на которой они основаны и благодаря которой являются таковыми, безгранична» [3, с. 6]. Другой китайский философ Ду Вэймин пишет: «Конфуцианская этика с необходимостью простирается в область религии» [4].

Проблема «Конфуций – Кант» уже разрабатывалась и разрабатывается такими китайскими учеными-философами, как Моу Цзунсань, Ду Вэймин, Фэнь Юлан и Ли Минхуэй. Ли Минхуэй написал исследование по конфуцианству, в которой проводит параллели с кантовским понятием автономии. Кант утверждает, что мораль не зависит от природы человека. «Кант решительно отверг свойственный его эпохе натуралистический подход к философско-антропологической проблематике и, выдвинув идею принципиальной неприродности человеческого начала вообще, развернул критику господствовавшей модели в истолковании сущностных характеристик человека и способов его бытия» [5, с. 14].

Канту удалось снять натуралистическую парадигму, построенную на антитезе природное – разумное, заменив её новой парадигмой, основанной на резком противопоставлении природного (естественного) – моральному (неестественному), выдвинув при этом тезис о принципиальной неприродности человеческого начала в человеке. То же самое можно найти в конфуцианстве. В конфуцианской этике можно выделить две линии развития учения о сущности изначальной природы человека. Согласно Конфуцию, культивирование в себе истинной человечности (жэнь) является долгом каждой совершенной личности (цзюнь цзы). «Жэнь», в свою очередь, центральная категория конфуцианской антропологии, в целом, и конфуцианской эти-

ки, в частности, которую в какой-то мере можно интерпретировать в кантовском духе, как конфуцианский вариант «категорического императива».

В философии Канта этику можно выделить в качестве центрального объекта философских исследований. Из трех главных кантовских сочинений критического периода «Критика практического разума» посвящена исследованию и обоснованию нравственности. Этике И. Канта характерно учение о независимости или автономии морали. Предшественники Канта и его современники полагали, что основа этики в религии. Кант не соглашается с этой концепцией и провозглашает мораль независимой от религии, а моральный закон – невыводимым из религиозных заповедей. В «Основе метафизики нравственности Кант пытался обосновать «высший принцип нравственности». Он пытается обосновать принцип нравственности в совершенно рациональных, а не эмпирических терминах, чтобы избежать ситуации, когда моральные действия будут зависеть от обстоятельств, человеческих чувств, эмоции и других условий.

Идеи Канта о нравственности в «Основе метафизики нравственности» сконцентрированы на трех основных понятиях: разум, воля и долг. На первое место он ставит волю. Воля, особенно добрая воля, необходима для соблюдения любой идеи о нравственности. Кант приводит аргументы в пользу этого постулата уже в первой части своего произведения: «нигде в мире, да и нигде вне его, невозможно мыслить ничего иного, что могло бы считаться добрым без ограничения, кроме одной только доброй воли. Рассудок, остроумие и способность суждения и, как бы иначе не назывались, дарования духа, или мужество, решительность, целеустремленность как свойства темперамента в некоторых отношениях, без сомнения, хороши и желательны; но они могут стать также в высшей степени дурными и вредными, если бы не добрая воля, которая должна пользоваться этими дарами природы и отличительное свойство которой называется, как следствие, характером. Точно так же дело обстоит и с дарами счастья. Власть, богатство, почет, даже здоровье и вообще хорошее состояние, и удовлетворенность своим состоянием под именем счастья внушают мужество, а тем самым часто и надменность, когда нет доброй воли, которая исправляла и делала бы всеобще-целесообраз-

ным влиянием этих даров счастья на дух и вместе с тем и на сам принцип действия. Нечего и говорить, что разумному беспристрастному наблюдателю никогда не может доставить удовольствие даже вид постоянного преуспеяния человека, которого не украшает ни одна черта чистой и доброй воли; таким образом, добрая воля составляет, по-видимому, неперемное условие даже достоинства быть счастливым» [6, с.7].

Таким образом, нравственность не может быть возможна без доброй воли, и неважно, какими другими талантами, возможностями и добродетелями обладает человек. Добрая воля – это основа человеческого характера, и она является незаменимой для нравственного поступка. Кант дальше анализирует концепцию разума. Разум, по его мнению, отделяет людей от животных в самом широком смысле, однако, если рассматривать вопрос специфически, то мы видим, что разум функционирует в людях таким образом, что раскрывает более фундаментальные различия между людьми и другими живыми существами.

Кант опирается на тот принцип, что природа создает строение каждого сложного организма таким образом, что не существует ни одного органа, который не выполнял бы какую-либо только ему одному предназначенную функцию, причем не выполнял бы ее наилучшим и наиболее оптимальным способом из всех возможных. У каждого органа есть своя цель, и он ее осуществляет лучше, чем любой другой орган в живом существе. Кант считает, что разум – это тоже орган, и задает вопрос, какова же цель его существования для человека. Он говорит: «Если бы в отношении существа, обладающего разумом и волей, истинной целью природы было сохранение его, его преуспеяние, одним словом, его счастье, то оно распорядилось бы очень плохо, возложив на его разум выполнение этого своего намерения. В самом деле, все поступки, какие ему следует совершать для этого, и все правила его поведения были бы предначертаны ему гораздо точнее инстинктом, с помощью которого можно было достигнуть указанной цели гораздо вернее, чем это может быть когда-либо сделано при помощи разума» [6, с.7].

Здесь Кант утверждает, что обретение счастья, определенного как наша сохранность или благополучие, – это не функционирование разума в человеческом существе или в существах,

которые обладают волей и разумом. Благополучие, сохранность и счастье могут быть достигнуты при помощи инстинктов с таким же, или даже большим, успехом, что и при помощи разума, как мы это видим. Следовательно, Кант говорит, что имеет место «идея другой и гораздо более достойной цели нашего существования; именно для этой цели, а не для счастья предназначен разум, и ее как высшее условие должны поэтому большей частью предпочитать личным целям человека» [6]. Кант приходит к заключению, что целью существования разума является развитие доброй воли. Он говорит: «Разум, который видит свое высшее практическое назначение в утверждении доброй воли, при достижении этой цели способен удовлетворяться только на свой лад...» [6].

Во второй половине XVIII века окрепшая буржуазная цивилизация готовилась окончательно отбросить с себя оболочку средневеково-материалистических отношений. Для духовного обоснования процесса эмансипации личности требовалась новая концепция нравственности. Возникли следующие актуальные вопросы: может ли человек, личность найти в себе твердые нравственные основы, которые она раньше находила в природе, в социальной среде или же в религиозных рассуждениях. На эти вопросы нельзя было ответить в рамках традиционных этических систем. Кант утверждал, что эмпирические принципы морали основываются на «случайных основаниях» независимо от того, идет ли речь о природном самолюбии, как у Гельвеция и Мандевиля, врожденных моральных чувств, как у Шефтсбери и Хатчесона, или о воспитании и правлении, как у Монтеня и Гоббса. Теологический принцип морали свободен от такой случайности, но он оказывается для человека внешним. Эмпирическая этика не могла объяснить безусловности, универсальности морали, а теологическая этика – её субъективной, внутриличностной укорененности. Кант создает теоретическую концепцию, которая очень удачно объединяет оба этих момента. Он пишет: «Все понимали, что человек своим долгом связан с законом, но не догадывались, что он подчинен только своему собственному и, тем не менее, всеобщему законодательству и что он обязан поступать, лишь сообразуясь со своей собственной волей, устанавливающей, однако, всеобщие законы согласно цели природы»

[7, с.274]. Гусейнов А.А. пишет: «Все прежние принципы морали были основаны на гетеропозиции воли, т.е. они находились за пределами самой действующей воли. Кант перевернул это представление и осмыслил нравственность как самозакондательный принцип, внутреннюю основу воли в лице каждого разумного существа» [8].

Этику Канта принято называть этикой долга. Однако слово «долг» здесь не связан с внешним принуждением, понятие долга в кантовской философии – это нравственное убеждение человека и чистый нравственный мотив. Через долг утверждается нравственная ценность, присутствующая человеку как существу, обладающему разумом и моральными качествами. Кант впервые в европейской философии и культуре ввел научную концепцию морали целиком концентрирующейся на личности и представил нравственность как основной личностно-образующий признак. Также этику Канта можно связать с автономией личности, индивидуальной свободой и долгом и этикой доброй воли. Гусейнов А.А. пишет об обосновании в этике Канта: «Говоря о кантовском обосновании морали, прежде всего, заметим: такие теперь уже считающиеся сугубо кантовскими характеристики морали, как идеи нравственного закона, безусловного долга и доброй без ограничения воли, являются в этике Канта не итоговыми выводами, а исходными положениями. Они априорны, даны вместе с разумом, притом – и это Кант особенно подчеркивает в «Основах метафизики нравственности» – «в самом обыденном человеческом разуме так же, как и в исключительно спекулятивном» [9].

Во введении к «Основе метафизики нравственности» Кант формулирует одно из важнейших оснований своей этической теории: «Каждому необходимо согласиться, что закон, если он должен иметь силу морального закона, т.е. основой обязательности, непременно содержит в себе абсолютную необходимость» [7, с.213]. Из этого высказывания следует, что все моральные законы являются категоричными. Например, десять заповедей Моисея, человеколюбие и ритуал у Конфуция, вера в Аллаха у Мухаммеда не имеют исключений. Благодаря этим законам индивиды приобретают свою человеческую идентичность и становятся один китайцем, другой – евреем, третий – мусульманином. В этих нравственных законах задается идеал че-

ловека, первооснова, абсолютная черта, которую переступив, можно потерять человеческое качество. Поэтому они не имеют исключений уже по своему определению, так как являются основой конструирования человеческого бытия. Нравственность и моральные законы очерчивают пространство человеческого бытия.

Нравственный закон – объективный принцип воли. Поскольку он дается разумом, является законом разумных существ, то объективно необходимое оказывается также и субъективно необходимым. Разумность воли, собственно, и означает, что воля способна руководствоваться принципами, которые задает разум в качестве практически необходимых. Однако одно дело – воля и разум сами по себе и другое дело – человеческие воля и разум. Человеческая воля руководствуется не только представлениями о законах, но на нее действуют и сами законы, она способна действовать по долгу, и ей же свойственны побуждения, ее субъективные принципы могут быть необходимыми и могут быть, а чаще всего и бывают, случайными. Короче говоря, она соотносится не только с разумом. Поэтому нравственный закон в случае человеческой воли выступает как принуждение, как необходимость действовать вопреки тем многообразным субъективным эмпирическим воздействиям которые эта воля испытывает. Он приобретает форму принудительного веления – императива. И не просто императива, а специального императива, предназначенного именно для нравственного закона. Если представить себе совершенную добрую волю или святую волю, то она также руководствовалась бы нравственным законом, но для нее этот закон был бы единственным субъективным принципом действия, и потому не выступал бы как императив. Императивы – это формулы отношения объективного (нравственного) закона к несовершенной воле человека.

Для того чтобы описать специфическую императивность нравственности, все императивы человеческого поведения подразделяются Кантом на два больших класса: одни из них повелевают гипотетически, другие – категорически. Гипотетические императивы можно назвать относительными, условными. Они говорят о том, что поступок хорош в каком-то отношении, для какой-то цели. Поступок оценивается с точки зрения его возможных последствий. Таковы, например, советы врача, которые хороши для

человека, который хочет заботиться о своем здоровье. Категорический императив предписывает поступки, которые хороши сами по себе, объективно, без учета последствий, безотносительно к какой-либо иной цели. В качестве примера можно сослаться на требование честности. Только категорический императив можно называть императивом нравственности. И наоборот: только императив нравственности может быть категорическим. Так как нравственный закон не содержит в себе ничего, кроме всеобщей законосообразности поступков, то и категорический императив не может быть ничем иным, как требованием к человеческой воле руководствоваться данным законом, привести свои максимы в соответствие с ним, о чем и говорит ставшая знаменитой нравственная формула Канта: «Таким образом, существует только один категорический императив, а именно: *«поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»* [7, с.260]. Вся человеческая нравственность выводится из этого одного единственного принципа.

Закон ограничения максим условием их общезначимости для всех разумных существ означает, что каждое разумное существо необходимо рассматривать в качестве ограничивающего условия максим – того абсолютного предела, который категорически запрещено переступить. Разумное существо полагает себя в воле как цель. Поскольку это делает каждое из них, то речь идет о принципе, который является субъективным и объективным (общезначимым) одновременно. Практический императив поэтому должен включать в себя идею самоцельности человека как разумного существа, субъекта возможной доброй воли и может быть переформулирован следующим образом: *«Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству»* [7, с.270]. Человечество (человечность, внутреннее достоинство, способность быть субъектом доброй воли) в лице каждого человека – не просто цель, а самостоятельная цель, самоцель. Эта цель является последней в том смысле, что она никогда не может быть полностью превращена в средство. Она абсолютна, в отличие от всех других целей человека, имеющих относительный характер. В этом смысле

она негативна, участвует в поведении как ограничивающее условие – «как цель, вопреки которой никогда не следует поступать» [7, с.280].

Основание нравственности (практического законодательства) объективно заключено в правиле (форме всеобщности), субъективно – в цели (каждое разумное существо как цель сама по себе). Категоричность, безусловность императива требует также третьего уточнения, а именно, предположения, что воля каждого разумного существа может быть нравственной. Третья формула категорического императива, включающая *«принцип воли каждого человека как воли, всеми своими максимами устанавливающей всеобщие законы»* [7, с.284]. Это положение Кант называет принципом автономии воли.

Таковы три основные формулы, три разных способа представлять один и тот же закон. Они взаимосвязаны между собой таким образом, что «одна сама собой объединяет в себе две других» [7, с.278]. Как объяснить существование разных формул (редакций) категорического императива? Вопрос тем более законный, что в данном случае речь идет об одном единственном законе. Более того: не может существовать ни множественного числа, ни множества вариантов категорического императива, так как он безусловен, обладает абсолютной необходимостью. Сам Кант разные способы представления принципа нравственности объясняет потребностями его практического применения: «Очень полезно один и тот же поступок провести через все три названных понятия, и этим трем, насколько возможно, приблизить его к созерцанию» [7, с.279]. Это объяснение значительно более продумано и основательно, чем может показаться на первый взгляд.

Основным признаком, на который ориентируется Кант в поисках формулы нравственного закона, является его абсолютная необходимость. И он совершенно естественным образом задается методическим вопросом, как возможен абсолютно необходимый (безусловный) закон или категорический императив, который есть тот же самый закон, но только применительно к несовершенной человеческой воле. Вопрос этот можно сформулировать по-другому: какими свойствами должен обладать императив воли, чтобы он мог считаться категорическим, т.е. безусловным, абсолютным? Он должен удовлетворять, как минимум, трем требованиям:

а) касаться формы поступков, а не их предметного содержания; б) быть целью самой по себе; в) уходить своими истоками в волю самого действующего субъекта. Своими различными формулировками Кант показывает, что категорический императив удовлетворяет этим требованиям. Подобно тому, как несущие строительные конструкции с особой тщательностью проверяются на мороз, жару и другие природные нагрузки, так и категорический императив испытывается Кантом на прочность с точки зрения основных параметров человеческих поступков – их содержания, цели и причины. Он показывает, что по всем этим важнейшим критериям категорический императив доказывает свою безусловность. Он общезначим с точки зрения содержания, ибо не предписывает никаких поступков, а касается только максим воли. Он абсолютен с точки зрения целей, ибо ориентирован на абсолютную цель, цель саму по себе. Он безусловен с точки зрения причины, ибо его причиной является сама воля разумного существа.

Категорический императив, таким образом, действительно един. И он – один. Различные его формулы представляют собой различные способы демонстрации этого единства и единственности категорического императива. Поскольку только абсолютный закон является нравственным законом, то только безусловная воля является доброй волей. Эта мысль с педантичной основательностью разрабатывается Кантом в исследовании категорического императива, о чем он сам говорит без какой-либо двусмысленности: «Та воля безусловна добра, которая не может быть злой, стало быть, та максима которой, если ее делают всеобщим законом, никогда не может противоречить себе. Следовательно, принцип: поступай всегда согласно такой максиме, всеобщности которой в качестве закона ты в то же время можешь желать – также есть высший закон безусловно доброй воли; это единственное условие, при котором воля никогда не может сама по себе противоречить, и такой императив есть категорический императив».

В философском учении Конфуция человек занимает особое место. Конфуций постиг своеобразие человеческого бытия и места в мире. Основная категория его учения – жэнь, можно перевести «человеколюбие», «гуманность», «человечность». «Жэнь» обозначает признак, характерный человеку, а также программу его

деятельности. Это – человеческое начало в человеке, которое является одновременно его долгом. Нельзя сказать, что представляет собой человек, не ответив одновременно на вопрос о том, в чем заключаются его нравственные признаки. У Конфуция есть высказывание, которое, на первый взгляд, кажется логическим неправильным: «Только обладающий человеколюбием может любить и ненавидеть людей». Если учесть многозначность понятия «жэнь», то данное высказывание приобретает глубокий смысл. Оно означает, что человеческое начало, в силу которого он может любить людей и ненавидеть людей. Отношения между людьми наполняются нравственным смыслом, принимают гармоничный характер по мере того, как они становятся взаимными [10, с.35].

На вопрос своего ученика: «Можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом». Конфуций ответил: «Это слово – взаимность, не делай другим того, чего не желаешь себе» [11, с.23].

Европейское понятие этики не имеет прямого аналога в китайской культуре. Анализ отрывков «Лунь юй» можно использовать для реконструкции системы этических категорий. Можно сказать, что конфуцианская философия является неким средством совершенствования человечности (жэнь) как некоего глубинного онтологического уровня, «сердцевины» человеческого существа. В целом учение Конфуция было бы справедливо определить как «искусство достижения человечности» [Лунь юй, VI,30]. Поскольку последнее не каждому дано, то, хотя Конфуций и считал, что, в принципе, можно обучать всех, не делая различий [Лунь юй XV, 39], в отборе своих учеников он выставлял следующие ограничения: Тому, кто не имеет устремлений, не раскрою ничего. Того, кто не сокрушается, не обучу. Ничего не отвечу тем, кто не может по одному углу квадрата судить о трех остальных» [Лунь юй, VII, 8].

Таким образом, человечность – жэнь – необходимое качество, которым должен обладать совершенный человек. Но какое можно дать определение понятию «человечность». В конфуцианстве человечность – жэнь представляет собой то состояние, когда полностью отдают себя человеческому пути, совершенной преданности и доверия, уважения к человеческому достоинству. Жэнь – это сила, добродетель, излучаемая

человекам. «Согласно Конфуцию, очеловечивать человека не что иное, как способность осмыслить свою жизнь, судить самого себя, совершенствоваться во всем – способность, данная человеку от природы и все же реализуемая нами через непрестанное и многотрудное усилие. В ней сходятся и приводят к равновесию, обуславливая друг друга, природное и культивирование, знание и действие» [12, с.158].

Учение Конфуция было этико-политическим, центральное место в нем занимали вопросы нравственной природы человека, семьи и управления государством. Выступив с критикой своего века и высоко оценивая древность, Конфуций на основе этого противопоставления создал свой идеал совершенного человека цюнь-цзы. Человек, наделенный небом определенными качествами, должен поступать в согласии с ними, с моральным законом Дао и совершенствовать их при помощи обучения и получения знаний. Целью совершенствования является достижение уровня «благородного мужа», соблюдающего Ли-этикет, ритуал через жэнь – человечность.

Таким образом, в этических концепциях Канта и Конфуция можно увидеть определенные

точки соприкосновения в понимании основного закона нравственности. По Канту, долг есть не что иное, как чистота нравственного мотива и твердость нравственных убеждений. Через долг утверждается нравственная ценность, присущая каждому человеку как разумному, и потому нравственному существу. У Конфуция категория «жэнь» есть человеческое начало в человеке, которое является одновременно его долгом. Нельзя сказать, что представляет собой человек, не ответив одновременно на вопрос о том, в чем заключаются его нравственные признаки.

Принцип «уважения к моральному закону» является сердцевинной как кантовской, так и конфуцианской этики, поскольку в нем открывается измерение гуманного поведения. Только человек может выражать это уважение, осознание этого уважения идентично осознанию долга и имеет характер необходимой всеобщности. Человек призван побуждаться разумом к моральному поведению, что выражается в почитании морального закона. Смысл жизни – в связи добродетели и блаженства. Только такой долг, который способствует счастью человека и человечества, имеет этическую ценность.

Литература

1. Roetz H. Die chinesische Ethik der Achsenzeit: Eine Rekonstruktion unter dem Aspekt des Durchbruchs zu postkonventionellem Denken. – Frankfurt am Main, 1992. – 480 s.
2. Кобзев А.И. Особенности философской и научной методологии в традиционном Китае // Этика и ритуал в традиционном Китае. Сб. статей. – М.: Главная редакция восточной литературы из-ва «Наука», 1988. – С. 17-55.
3. Моу Цзунсань. Синь чи юй син чи (Сущность сердца [духа] и сущность [человеческой] природы). Т. 1-3. Тайбэй, 1968. – Т. 1. – С. 6.
4. Tu Wei-ming. Humanity and Self-Cultivation: Essays in Confucian Thought. Berkeley, 1979. – P. 8.
5. Чухина Л.А. Проблема человека в философии И.Канта // Этика Канта и современность. Сб. статей. – Рига: Авотс, 1939. – С. 98-125.
6. Kant, Immanuel. Grounding for the Metaphysics of Morals. Third edition. Trans, James W. Ellington. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1993. – P. 7.
7. Кант И. Сочинения в шести томах. – М.: Мысль, 1965. (Философ. наследие). – Т. 4. – Ч. I. – 544 с.
8. Кант И. Лекции по этике: Пер. с нем. – М.: Республика, 2000. 431 с. Общ. ред., составление и вступит. статья.
9. Гусейнов А.А. Мораль и разум // www.bim-bad.ru
10. Гусейнов А.А., Апресян Р.Г. Этика: учебник. – М.: Гардарики, 2000. – 472 с.
11. Пер. В.А. Кривцова // Древнекитайская философия. – М., 1972. – Т. 1.
12. Постигание искусств в конфуцианской педагогике как способ самосовершенствования человека // Философия образования. – Спец. выпуск: Институт философии и права. СО РАН НИИ(УМЦ) ФО НГПУ, 2007. – 315 с.

References

1. Roetz H. Die chinesische Ethik der Achsenzeit: Eine Rekonstruktion unter dem Aspekt des Durchbruchs zu postkonventionellem Denken. - Frankfurt am Main, 1992. – 480 s.
2. Kobzev A.Y. Osobennosti filosofskoi i nauchnoi metodologii v tradicionnom Kitae // Etika i ritual v tradicionnom Kitae. Sb. statei. - M.: Glavnaia redakcia vostochnoi literatury iz-va «Nauka», 1988. - S. 17-55.
3. Mou Zunsan. Sin qi yu sin qi (Sushnost' serdca [duha] i sushnost' [chelovecheskoi] prirody). T. 1-3. Taibei, 1968. – T.1. – S. 6.
4. Tu Wei-ming. Humanity and Self-Cultivation: Essays in Confucian Thought. – Berkeley, 1979. – P. 8.

5. Chuhina L.A. Problema cheloveka v filosofii I.Kanta // Etika Kanta i sovremennost: Sb/ statei. – Riga: Avots, 1939. – S. 98-125
6. Kant, Immanuel. Grounding for the Metaphysics of Morals. Third edition. Trans, James W. Ellington. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1993.
7. Kant I. Sochinenia v shesti tomah. – M.: Mysl, 1965. (Filosof. nasledie). – T. 4. – Ch. I. – 544 s.
8. Guseinov A.A. Kant I. Lekci po etike. – M.: Respublika, 2000.
9. Guseinov A.A. Moral i razum // www.bim-bad.ru
10. Guseinov A.A., Apresian R.G. Etika: Uchebnik. – M.: Gardariki, 2000. – 472 s.
11. Per. V.A. Krivcova // Drevnekitaiskaya filosofia. – M., 1972. – T. 1.
12. Postizhenie iskusstv v konfucianskoi pedagogike kak sposob samosovershenstvovaniia cheloveka // Filosofia obrazovaniia. – Spec. vypusk: Institut filosofii i prava. SO RAN NII(UMC) FO NGPU, 2007. – 315 s.